

— Цюйчэнь, не обращай внимания на меня, быстрее используй Серебряную флейту! — выкрикнул Фан Юньсюань, когда очередной удар меча распорол плечо Гун Цюйчэня, оставив кровавый след.

Тот на мгновение отвлекся, словно желая ободряюще улыбнуться ему, и из-за этого пропустил удар, которого вполне мог избежать: клинок насквозь пронзил его живот. Во рту ощутился сладковатый привкус, и вместе с выдернутым мечом хлынула кровь. Тело Гун Цюйчэня рухнуло на землю. На фоне алых одежд уже невозможно было разобрать, откуда именно течет кровь.

— Цюйчэнь! — ярость и боль захлестнули Фан Юньсюаня, в животе запылал обжигающий огонь, давая знать о действии страшного яда. Тонкие струйки крови скатились по уголкам его рта.

Тан Лань самодовольно ухмыльнулся, с окровавленным мечом в руке шаг за шагом приближаясь к Фан Юньсюаню. Он смотрел на него так, как смотрят на овцу, готовую под нож.

— Теперь твоя очередь. — Он указал кончиком меча на горло Фан Юньсюаня и заговорил свысока: — Оказывается, гремящий на весь Чжунъюань Культ Линъинь — всего лишь пустышка. Пустой звук. Все в мире боевых искусств думали, что здесь собрались сплошь великие мастера, но кто бы знал, что от бывшего величия времен, когда Тун Тяньцзы правил Поднебесной, не осталось и следа.

— Мастеров Кulta Линъинь в Чжунъюане и правда лишь столько, — холодно глядя на него, ответил Фан Юньсюань. — Если ты сейчас же уйдешь из Леса Священного Древа, еще успеешь. Иначе... я непременно вырежу Клан Тан до последнего человека!

Услышав это, Тан Лань разразился безумным смехом, но вдруг его тело затряслось, лицо резко исказилось. Длинный меч выпал из рук на землю, ноги подкосились, и он рухнул на колени. По всему телу разлилась пронзительная, до мозга костей боль — точно такая же, как в тот день в Крепости семьи Фан!

Объятый ужасом, он оглянулся: ученики Клана Тан в лесу уже падали на колени, обхватив головы и изнывая от боли. Позади него стояла хрупкая фигура в бледно-зеленом плаще. Неземной красоты девушка казалась невыразимо прекрасной, а обвившая ее руку маленькая змейка выглядела зловеще и леденяще.

Он услышал, как она тихо произнесла:

— От той отравы, что ты подхватил в Крепости семьи Фан, нет противоядия.

Яростно глядя на это заставляющее замереть сердце лицо, Тан Лань исподтишка сунул руку за пазуху.

Ся Чуцзю опустился на колени рядом с Фан Юньсюанем, чтобы распечатать его заблокированные точки:

— Я видел внизу, что вы все не возвращаетесь, и поднялся взглянуть, а тут...

Он не успел договорить, как раздался полный разрывающего душу отчаяния крик Гун Цюйчэня:

— Сяояо!

В тот же миг, как он обернулся, скрытое оружие уже летело прямо им в лицо. Ся Чуцзю инстинктивно заслонил собой Фан Юньсюаня. Раздался резкий звук: метательный снаряд вонзился в спину и в следующее мгновение разорвался внутри. Хлынувшая изо рта кровь забрызгала плечо Фан Юньсюаня, окрасив его в черно-фиолетовый цвет. Руки Ся Чуцзю, обнимавшие Фан Юньсюаня, судорожно сжались.

— Чуцзю! Чуцзю!

Слова утешения застряли в горле. Огромное количество крови непрерывно текла изо рта. Небо окрасилось в кроваво-красный цвет, тело перестало чувствовать боль и стремительно погружалось в темноту.

Крики Юньсюаня и Цюйчэня уже доносились как сквозь вату. Собрав последние силы, он выдавил из себя слабую улыбку и закрыл глаза.

Среди бескрайнего белого света чья-то фигура манила его за собой.

Низкий, приятный голос звучал с невиданной прежде нежностью. Впервые он услышал: Сегодня как раз девятое число девятого месяца, буду звать тебя Чуцзю! Возьмешь мою фамилию Ся.

А теперь он сказал: Чуцзю, пойдешь со мной?

Ради этих слов стоило жить. Пройти сквозь огонь и воду — там, где ты, и будет пристанище для меня, Ся Чуцзю.

Фан Юньсюань остолбенел. Он мог лишь воочию наблюдать, как человек в его объятиях испустил дух, его тело постепенно остывало, а обвивавшая руку змейка вдруг вспыхнула и обратилась в пепел.

Он отказывался верить. Человек, который еще мгновение назад улыбался ему, теперь неподвижно лежал на его руках.

Ядодел мертв, и яд рассеялся сам собой.

Люди из Клана Тан в тот же миг почувствовали невероятное облегчение — недавняя пронзительная боль в теле полностью исчезла.

Тан Лань поднялся с земли. Брошенный им скрытый оружие было самым страшным ядом Клана Тан — он взрывался, стоило ему проникнуть в тело. Он надеялся утащить Фан Юньсюаня за собой в могилу, но неожиданно эта красotka заслонила его собой, и вышло так, что она сама сняла с него действие яда.

Гун Цюйчэнь с трудом поднялся на ноги. Из-за острой боли в животе шаги его были шаткими, устоять на месте удавалось с трудом. Глаза его пылали яростью, он в упор смотрел на Тан Ланя, готового разорвать врага голыми руками.

Тан Лань поднял меч, сделав угрожающий выпад в его сторону, и с издевкой усмехнулся:

— Что, хочешь, чтобы я добавил тебе еще парочку дырок?

Гун Цюйчэнь пришел в бешенство. Сжав зубы, он сделал шаг вперед, но в следующий миг кто-то подхватил его за талию и бережно опустил на землю под деревом.

— Дальше предоставь это мне. — Фан Юньсюань крепко сжал его руку, не отводя ледяного, неподвижного взгляда от Тан Ланя.

Гун Цюйчэнь выдохнул и со спокойным сердцем прислонился спиной к стволу дерева.

Легкий ветерок поднял желтую пыль в лесу, воздух наполнился жадой убийства.

Фан Юньсюань взмахнул рукой, приказывая людям Культа Линъинь отойти назад.

Раздался тигриный рев, содрогнувший все вокруг. Ученики Клана Тан увидели лишь взмывающую в воздух фигуру, а когда всмотрелись — все перед глазами залило алым.

Фан Юньсюань собственноручно похоронил Ся Чуцзю рядом с могилой Тун Тяньцзы, чтобы тот не был одинок ни днем, ни ночью.

Запах крови в Лесу Священного Дерева еще долго не выветривался, вызывая тошноту.

Одним ударом ладони Фан Юньсюань обрушил каменные глыбы подземного входа, и тяжелые валуны намертво запечатали проход, так что сдвинуть их больше не представлялось возможным. Поклонившись трижды вместе со своими людьми перед могилой Тун Тяньцзы, Фан

Юньсюань подхватил на руки тяжелораненого Гун Цюйчэня и, бросив прощальный взгляд на эту землю, хранящую столь глубокие воспоминания, растворился в бамбуковой роще.

В ту ночь за пределами Леса Священного Древа собралась большая толпа мастеров светлых направлений, в растерянности глядя на развернувшееся перед ними море огня.

На нескольких уцелевших деревьях поодаль были высоко подвешены с десятков человеческих голов. Запекшаяся кровь на ранах выглядела не так, будто их отрубили острым мечом — казалось, плоть разорвали голыми руками.

Столкнувшись с такой жестокой расправой, все присутствующие похолодели от ужаса.

Лань Чжуй смотрел на пылающий Лес Священного Древа, чувствуя, будто его душу выпотрошили.

Среди бескрайнего людского моря этот человек, казалось, ушел навсегда.

В этой жизни — когда же они встретятся вновь?

Ночная глазурь, мириады ярких фонарей.

В золоченом и роскошном императорском дворце Династии Янь царила атмосфера праздника и безмятежности. Вино в сверкающих бокалах, звонкий смех приближенных и военачальников, наслаждающихся пиром — всё дышало легкостью и радостью.

Сидевший во главе стола на драконьем троне статный мужчина полулежал на сиденье. Холодным взглядом окинув придворных танцовщиц, он с раздраженным вздохом поднял бокал и громко произнес:

— Дорогие подданные, веселитесь от души. Я немного устал и пойду отдохну в покои.

Этой ночью дворец сиял огнями, и свет не гас до самого утра.

Лань Сяо отослал стражу и в одиночку ступил в Девятикратно Тяжелые Чертоги. Пропустивший пир человек стоял у окна, глядя на луну и тяжело вздыхая. Заметив его появление, он невольно замер:

— Императорский брат... Разве ты не должен принимать чиновников в переднем зале?

— Скукотища смертная, — Лань Сяо опустил за стол и сам налил себе чаю. — Спектакли одни и те же из года в год. Как же я завидую тебе — вечно мотаешься туда-сюда, живешь легко

и вольготно.

Лань Чжуй горько усмехнулся, опустя голову:

— У каждого свои заботы, давай не будем жаловаться друг на друга.

Собеседник остался при своем мнении:

— Разве это заботы! В мире боевых искусств вечно режут друг друга из-за личной выгоды, и что толку быть первым в Поднебесной? Стоит мне отдать приказ, и моя армия пойдет на юг, растоптав весь Чжунъюань.

— Как говорится, небо высоко, а император далеко... — Увидев, что тот начинает злиться, Лань Чжуй сменил тему: — Завтра я покидаю дворец.

— Снова искать его? К чему тратить душевные силы? Ты же сам говорил, что пока он не отомстит за свои обиды, ни за что не успокоится. Придет время — сам объявится.

Лань Чжуй заворуженно уставился на маленькую золотую жаровню у окна. Прошло ровно четыре месяца с того пожара в Лесе Священного Древа, а Фан Юньсюань словно испарился — ни слуху ни духу.

Впрочем, не он один — весь мир боевых искусств сбился с ног в его поиски.

Клан Тан пользовался огромным авторитетом в Цзянху, и новость о том, что их молодой глава был беспричинно убит, а его голова вывешена в Лесе Священного Древа, облетела весь мир боевых искусств. Глава Клана Тан принес страшную клятву: тот, кто отомстит за Тан Ланя, получит в награду секретные трактаты Клана Тан по скрытому оружию.

Сердце Лань Чжуй горело в огне, он дни напролет тревожился за его безопасность. Покинув Лес Священного Древа, где он теперь укрывается? Пусть даже он владеет непревзойденными боевыми искусствами, идти против всего мира Цзянху — затея слишком безумная.

Все эти месяцы скитаний по Цзянху приносили лишь слухи о том, что Фан Юньсюаня якобы схватили, но чаще всего это оказывались фальшивки, распускаемые теми, кто с вожделием заглядывался на секреты Клана Тан. Тайком радуясь тому, что тот всё еще цел и невредим, он в то же время терзался тоской, не зная, где носит любимого.

Если бы не приближающийся Новый год и срочный приказ императорского брата, доставленный ему на руки, он бы ни за что не вернулся во дворец в таком растрепанном состоянии.

— Я не могу рисковать его жизнью.

— Но он вовсе не обязательно оценит твою заботу, — скривив губы, холодно усмехнулся Лань Сяо. — Если бы он хотел быть с тобой, вы бы уже давно улетели вместе, как птицы в небесах. Он играет с тобой, а ты всё норовишь сам навязаться.

— Я верю, что он хочет не просто поиграть... — Он всё еще помнил, как в ту ночь на задворках Крепости семьи Фан Фан Юньсюань тихо назвал его глупцом, а в его безмятежных глазах читалась глубокая нежность.

— Дурак, — легко бросил Лань Сяо.

Его суровый взгляд смягчился — только перед собственным братом он мог позволить себе сбросить тяжелое бремя императорского величия.

Лань Чжуй повернул голову, глядя на висящую высоко в небе серебряную луну, и вдруг улыбнулся:

— Можешь не бранить меня, ты и сам глупец. Иначе с чего бы тебе отпускать его так далеко.

Поняв, о ком речь, Лань Сяо помрачнел еще сильнее и недовольно бросил:

— О моих делах можешь не беспокоиться, за собой лучше следи.

Словно не слыша предупреждения, Лань Чжуй продолжил гнуть свое:

— Ты император, но ведь тоже обычный человек. За свое счастье нужно бороться, а ты вечно отталкиваешь его от себя.

Лань Сяо подскочил так, будто ему наступили на хвост, лицо его помрачнело:

— Знал бы я, что ты только языком трепать горазд, ни за что не стал бы возвращать тебя во дворец. Ступай спать, а завтра с утра пораньше катись на все четыре стороны, провожать не буду.

Глядя на то, как брат в сердцах захлопнул алую лакированную дверь, Лань Чжуй ощутил во рту горький привкус. Разве он сам способен удержать свое счастье? Бессильно усмехнувшись, он хлопнул себя по лбу:

— А ведь я и правда дурак.

На этот раз Лань Чжуй так спешил покинуть дворец вовсе не ради поисков Фан Юньсюаня. Спустя считанные дни должно было состояться избрание нового лидера союза Цзянху: стоило разойтись героям письма с вызовом, как все прославленные мастера со всех концов света поспешили на грандиозное собрание.

Глава Нищенствующей Секты Тань Сивэнь обладал выдающимися боевыми искусствами, был мужчиной лет сорока, честным, гостеприимным и пользовался огромным авторитетом в Цзянху, по праву считаясь главным кандидатом на эту роль.

Лань Чжуй встречался с ним лишь единожды в Крепости семьи Фан. Кто бы мог подумать, что всего за полгода, пока мир претерпевал такие изменения, в семье Фан сменилась власть.

Дорога меж лесов была изрытой и ухабистой, и хотя уже наступила ранняя весна, в воздухе все еще чувствовался пронизывающий холод. Неподалеку стояла ветхая чайная лавка, но торговля шла бойко — все места внутри и снаружи были заняты. Судя по тому, как каждый из посетителей сжимал рукоять меча или сабли, это были странники Цзянху, направляющиеся на собрание героев на Северной горе.

Лань Чжуй привязал коня и шагнул под навес чайной лавки, озираясь в поисках свободного столика. Вдруг его взгляд упал на одинокую белую фигуру, сидевшую к нему спиной. Сердце бешено колохнулось, и, охваченный радостью, словно зеленый юнец, впервые вышедший в большой мир, он бросился вперед:

— Юнь...

Имя еще не сорвалось с губ, как человек, почувствовав чье-то приближение, обернулся. Решительные брови, выдающаяся осанка — увы, это был вовсе не тот, кого он искал.

Плечи Лань Чжуйа разочарованно опустились, и он растерянно уставился на незнакомца:

— Прошу прощения, обознался, принял вас за старого знакомого.

Тот слегка улыбнулся, придав лицу особое выражение, поднялся и сложил руки в приветственном жесте:

— Брат Лань, неужели вы и впрямь меня не помните?

Лань Чжуй озадаченно оглядел мужчину: в его чертах проглядывалось что-то смутно знакомое, но вспомнить, где они встречались, он никак не мог.

Мужчина ничуть не смутился и отвесил ему легкий поклон:

— Наньгун Цзочэнь приветствует благодетеля!

Стоило этому имени промелькнуть в памяти, как воспоминания хлынули потоком, подобно разбушевавшемуся морю.

Четыре года назад три великих клана попытались вернуть давно пропавший меч Цаньян, но вместо этого попали в окружение демонического культа и застряли на Горе Циюнь. Тогда, получив письмо о помощи от семьи Наньгун, он в одиночку помчался на Гору Циюнь. В памяти всплыл тот юноша — весь в крови, балансирующий на грани жизни и смерти. В порыве тревоги Лань Чжуй подставил собственную руку под удар меча, чуть было не лишившись конечности.

Прошло столько времени, что он почти позабыл о том случае, но Наньгун Цзочэнь помнил все до мельчайших деталей.

Тот мальчишка четырехлетней давности теперь превратился в галантного и элегантного молодого господина Цзянху по прозвищу Меч Циньфэн — Наньгуна Цзочэня.

Наньгун Цзочэнь усадил Лань Чжуй за свой стол и горячо попросил трактирщика подать побольше чая и закусок. Только теперь Лань Чжуй заметил, что в забитой до отказа чайной лавке тот сидит за столом один-одинешенек, что показалось ему странным.

— Благодетель тоже направляется на собрание героев к Северной горе?

Лань Чжуй кивнул и горько улыбнулся:

— Хватит звать меня благодетелем. Я гожусь тебе в старшие братья, зови меня просто старшим братом Ланем.

Наньгун Цзочэнь открыто улыбнулся:

— Отлично, старший брат Лань! Я тоже держу путь на Северную гору, так что пойдем вместе.

— Семья Наньгун вроде бы редко участвует в сборищах Цзянху, с чего вдруг...

— Отец заметил, что мои навыки владения мечом окрепли, и отпустил попутешествовать в одиночку. Считает, что мужчине нужно побольше бывать в разъездах. — Цзочэнь не сгонял с лица улыбку. — В прошлый раз на собрании героев столько всего произошло, а я никуда не успел, пропустил столько интересного.

Лань Чжуй снова почувствовал тяжесть на сердце и невольно помрачнел.

Вот если бы в этот раз Культ Линьинь тоже устроил переполох — было бы здорово... По крайней мере, он бы знал, что с тем все в порядке.

Если бы кто-то узнал о его мыслях, каждый первый в цзянхуском мире непременно плюнул бы ему в лицо, обвиняя в лицемерии.

Заметив его горькую улыбку, Наньгун Цзочэнь спросил:

— Я слышал, старший брат Лань отпустил главу демонического культа в Крепости семьи Фан. Выходит, вы старые знакомые? — Не дождавшись ответа, он продолжил: — Непонятно только, где этот человек прячется сейчас. Если он снова появится в Цзянху, боюсь, не миновать новой кровавой буни.

Лань Чжуй опустил голову и медленно отпил чаю, помрачнев еще сильнее. Даже если из-за этого перевернется вся Поднебесная, он все равно хотел бы, чтобы Фан Юньсюань оставался рядом с ним.

Иметь попутчика в долгом и скучном пути — дело хорошее. Разговаривая и шутя, они преодолевали дорогу за дорогой, и вот уже главная обитель Нищенствующей Секты на Северной горе показалась на горизонте.

До собрания героев оставалось еще несколько дней, и путники не спешили подниматься на гору, сняв комнату в гостинице у подножья. Вокруг сновали туда-сюда бесчисленные странники Цзянху, так что отбоя от клиентов у постоялого двора не было.

Наньгун Цзочэнь после переезда семьи на северный остров четыре года назад почти не выбирался оттуда. Сейчас он походил на птицу, долго томившуюся в клетке, и восторженно таскал Лань Чжуй за собой по улицам, восхищаясь любой простейшей безделушкой. Глядя на его искреннюю улыбку, Лань Чжуй с трудом мог связать его с грозным мастером Меча Циньфэн, способным убить одним ударом, о котором ходили такие слухи.

— Выбравшись с острова, я понял, что здесь абсолютно всё вкуснее, чем дома, — с довольным видом причмокивая, уплетал лапшу из пиалы Наньгун Цзочэнь.

Лань Чжуй горько покачал головой, но в этот момент его внимание привлек мелькнувший у входа алый силуэт.

— Жди меня здесь, я скоро вернусь.

Фигура двигалась невероятно быстро. Лань Чжуй с трудом продирался сквозь толпу, неотступно следуя по пятам и боясь моргнуть, чтобы не потерять его из виду.

Человек в красном, судя по всему, заметил хвост. Чуть повернув голову, он внезапно метнулся

в темный переулок. Лань Чжуй внутренне подобрался и, поднакопив ци, бросился в погоню.

Оба обладали превосходной легкостью движений, и в мгновение ока они выскочили за пределы городка. Поняв, что оторваться от преследователя не удастся, беглец в спешке оступился и был загнан в угол под деревом.

Боясь упустить его, Лань Чжуй схватил его за руку и выпалил:

— Где он?

Человек в красном слегка порозовел от бега, тяжело дыша — разве это не был Гун Цюйчэнь?

Не дождавшись ответа, Лань Чжуй снова насел с расспросами:

— Раз уж ты пришел, он наверняка тоже здесь, на Северной горе!

Гун Цюйчэнь холодно фыркнул и с силой выдернул руку:

— Его здесь нет.

— Вы неразлучны. Если его здесь нет, как ты мог явиться один? — Лань Чжуй даже не заметил кислых ноток в собственном голосе.

— Тебе какое дело, зачем я пришел? — Этот мужчина перед ним был лишь немного выше, шире в плечах, чуть более мужественен да владел боевыми искусствами самую капельку лучше... Если отбросить всё это, чем он вообще лучше его?

Ревность Гун Цюйчэня захлестнула через край:

— Предупреждаю: катись обратно во дворец Династии Янь и держись от него подальше! Иначе в один прекрасный день дедушка собственноручно сдерет с тебя шкуру!

Бросив грозную угрозу, он тут же дал драпака. Гун Цюйчэнь прекрасно знал, что десяток таких, как он, не справятся с этим соперником, поэтому выудил из-за пазухи дымовую шашку и, скрывшись в наступающих сумерках под раскатыстые проклятия разъяренного Лань Чжуй, растворился в темноте.

Дым постепенно рассеялся. Упустив отличный шанс отыскать Фан Юньсюаня, Лань Чжуй понуро повернул назад, но тут же вздрогнул от неожиданности, столкнувшись с кем-то стоящим за спиной:

— Ты как здесь оказался?

Наньгун Цзочэнь улыбнулся:

— Я видел, как вы спешили, и побежал следом, чтобы узнать, что случилось. Старший брат Лань, кто это был?

Обойдя его стороной, Лань Чжуй направился обратно в городок:

— Люди из Культа Линьинь.

Наньгун Цзочэнь проводил взглядом исчезнувшего Гун Цюйчэня и пробормотал себе под нос:

— Культ Линьинь, человек в красном... — после чего широким шагом догнал Лань Чжуй. — Старший брат Лань, послезавтра начинается собрание героев, давай с рассвета выдвинемся на гору.

По идее, в преддверии собрания героев поток странников Цзянху должен был быть нескончаемым, а дорога на перевал Северной горы — оставаться открытой. Однако когда в этот день Лань Чжуй и Наньгун Цзочэнь поднимались на гору, они обнаружили, что у тропы выставлен заслон, а несколько учеников Нищенствующей Секты тщательно проверяют имена и происхождение каждого поднимающегося.

Лань Чжуй прославился еще четыре года назад, и главный среди нищих, завидев его, сам сложил руки в приветствии и шагнул навстречу:

— Молодой господин Лань прибыл вовремя, глава уже давно вас ждет, прошу на гору!

Лань Чжуй узнал его — это был Бу Хуаи, ученик седьмого поколения секты, человек честный и прямой, обладавший хоть и заурядными боевыми искусствами, но безупречной репутацией в Цзянху.

— Брат Бу, что здесь происходит?

— Эх! — тяжело вздохнул Бу Хуаи с досадой на лице. — Прошлой ночью дежурные патрульные были найдены мертвыми в грязевом озере на задней горе. Теперь наверху всё перевернулось вверх дном, основные секты подозревают друг друга, обстановка накалена до предела. Глава приказал нам усилить досмотр проходящих мимо мастеров Цзянху, но на самом деле мы тут не просто для вида.

Заметив крайнее удивление Лань Чжуй, Бу Хуаи добавил:

— В двух словах тут не расскажешь, молодой господин Лань поднимется наверх — сам все поймет.

Не став больше расспрашивать, Лань Чжуй переглянулся с Наньгун Цзочэнем, и они двинулись к вершине. Дорога петляла, повсюду то и дело попадались патрульные из Нищенствующей Секты.

Главная резиденция Нищенствующей Секты представляла собой комплекс каменных построек: пусть и не отличавшихся особой роскошью, но внушавших уважение. Узнав о прибытии Лань Чжуя, Тань Сивэнь вышел встретить его лично:

— Молодой господин Лань, редкий гость!

Обменявшись парой вежливых фраз, Тань Сивэнь наконец обратил внимание на спутника Лань Чжуя:

— А это?

— Наньгун Цзочэнь, приветствую старшего!

— Ого, так это представитель семьи Наньгун, почтеннейший, почтеннейший! Я всего лишь грубый вояка, но удостоился любви стольких героев Поднебесной, это поистине незаслуженно. — Он вздохнул. — Что за год выдался такой? Каждое крупное собрание в Цзянху кто-то норовит испортить.

— Еще внизу брат Бу обмолвился, что что-то случилось. В чем дело?

Проводя их в боковой зал, Тань Сивэнь пояснил:

— Все шло хорошо, вчера вечером братья из разных кланов еще с удовольствием выпили по чарке и вовремя легли спать, как вдруг глубокой ночью прибежал наш ученик с вестью, что ночной дозор перебит на задней горе. Мы сразу же бросились туда и с ужасом обнаружили, что все четверо убиты совершенно разными стилями владения мечом.

— Куньлунь, Цинтун, Хуашань, Уюань — мастерство владения мечом этих четырех великих сект гремит по всей Поднебесной. Если бы это дело рук одного человека, его постижение боевых искусств поистине поражает воображение, вот только путь он выбрал далеко не праведный...